

Музей изящных искусств как учебно-вспомогательное учреждение при Императорском Новороссийском университете.

Музееведение, как самостоятельная научная дисциплина, прошедшая в процессе своего формирования несколько этапов, занимается теоретическим осмыслением музейного дела, его историей, периодизацией, выявлением определенных закономерностей. Одной из таких закономерностей еще в 1950-х гг. отмечалась повторяющаяся на протяжении многих веков тесная связь музеев с соответствующими научными дисциплинами [1;18]. Художественные музеи развивались в период второй половины XIX века вместе с наукой истории искусства и археологией. Термин «археология» применяли в этот период в широком смысле – «исследование древностей» любого вида: памятников архитектуры, скульптуры, живописи, материалов раскопок, утвари, ремесел, а археолог, соответственно, – исследователь этих древностей. Многими учеными использование этих двух терминов, история искусств и археология, представлялось почти синонимичным.

Длительное время одной из форм существования памятников античности после их открытия являлось только зримое наслаждение. Они дробились, частями вывозились с родной почвы, были разбросаны по дворцам. Их безжалостно реставрировали, придавали произведению вид внешней законченности, чтобы украсить дворцы. В конце XVIII века происходит поворот к чисто научному взгляду и образование новой исторической школы. Дальнейшие плодотворные разыскания на территории Греции, в Италии и Сицилии, на островах Средиземного моря, в Малой Азии и открытые памятники формировали не только характер художественных отношений, а требовали строгого исторического изучения на почве нового научного понимания.

Во второй половине XIX в научных исследованиях отмечалось, что «история классического искусства стоит выше всех отделов и по количеству определившегося материала, и по методичности приемов», и поэтому «ставится учеными в центре всех теоретических изысканий...беспримерная полнота и всесторонность разработки археологической, художественно-критической и технической дает прочную методическую основу в деле определения столь сложного и изобилующего деталями предмета, каково вообще произведение искусства. Анализ художественно-исторический в этой области достиг высоты...Характеристика отдельных школ и мастеров, историческая оценка самых памятников и связное представление всего движения греческого искусства, выполненные со всевозможной ясностью и полнотою, несмотря на бедность оригинальных памятников и точных свидетельств, дали такого рода монографии и общие сочинения, которые навсегда сохраняют научное значение» [2;71]. Ученым приходилось одновременно постигать специфику полевых исследований, быть аналитиками, на основе широкого междисциплинарного анализа изучать, систематизировать и обобщать.

В процессе становления науки необходимым компонентом является формирование дисциплинарного образа науки. Наука истории и теории искусства в университетском преподавании в императорской России представляла предмет новый, только входящий в круг других историко-филологических наук. Как видно из публикаций преподавателей Императорского Новороссийского университета (далее – ИНУ) сам вопрос определения ее независимого самостоятельного статуса еще требовал дополнительной аргументации. Проф. Ф.А.Струве (1816-1885) писал в 1868 г.: *«Археология вводит нас фактически в древний быт, она представляет нам в более или менее изящных образах все фазы общественной и частной жизни, и таким образом влияет в высшей степени благотворно и поучительно на воображение молодого поколения. При этом мы должны избегать только одного, чтобы эти занятия не начинались раньше, чем положено прочное основание в грамматике, герменевтике и критике...Мы считаем себя призванными популяризовать науку, едва только познакомились с нею, и забываем, что популяризация есть последний результат долголетнего добросовестного изучения науки, а не начала ее. Так и археология есть необходимая часть науки о древностях, но только последняя, и занятия ею пойдут тем благотворнее, чем добросовестнее молодые люди занимались фундаментальным*

изучением самых языков» [3;475-476]. В 90-х годах орд. проф., доктор теории и истории искусств А.А.Павловский (1856-1913) упразднил положение истории искусства как популяризатора науки: «хочу верить, что здесь отошло в область преданий мнение, что археология и история искусств представляет предмет роскоши, доступный только людям богатым, располагающим свободными средствами и досугом, но никак не предмет необходимого научного изучения филолога вообще и историка в особенности. Если филология должна охватывать в действительности все проявления человеческого духа, то, неоспоримо, археология составляет одну из важнейших отраслей этой науки, так как дух человеческий одинаково сильно, но, может быть, иногда нагляднее и разностороннее проявляется в вещественных памятниках, как и в литературных, - будет ли то прозаических или поэтических, - произведениях народа; первыми памятниками занимается археология и история искусств, вторыми - филология. Только параллельное изучение филологии, истории и археологии и может привести к возможно полному выяснению духа человеческого» [4;2].

Историкам искусства долгое время приходилось отстаивать право на существование своей науки, которая в глазах других ученых была скомпрометирована растущим успехом искусства и знакомством с ним широкой публики [5;121]. К концу XIX века среди профессионалов, так или иначе связанных с искусством, разгорается конфликт: известное противостояние двух полюсов Университет – Музей. Работники музеев, чья жизнь протекала в тесном контакте с произведениями искусства, часто склонны были считать себя единственными настоящими знатоками искусства; поэтому для них ученые доклады университетских профессоров представляются делом достаточно бесплодным. Например, в марте 1891 г. профессор истории искусства Берлинского университета Герман Гримм в газете «Новое немецкое обозрение» отвечал на критические нападки со стороны директора Берлинской галереи Вильгельма Боде, который презирал университетские курсы за их напыщенную риторику и псевдофилософские спекуляции. Боде занимал по отношению к произведению искусства чисто прагматическую позицию. По его мнению, изучение искусства требовало от ученого лишь высокой эрудиции. Смысл в том, чтоб отвести каждому произведению надлежащее место в истории и произвести атрибуцию, но не пускаться ни в какое комментирование. Историки искусства долгое время вызывали к себе достаточно пренебрежительное отношение и со стороны своих непосредственных коллег – со стороны эстетиков, работавших на кафедрах философии. Ими считалось, что преподаватели философии и эстетики уделяют достаточно внимания проблемам искусства и что не зачем нанимать еще одного специалиста. Да и сами историки искусства в какой-то степени стеснялись за собственный предмет, столь явно обращенный к человеческой чувствительности и художественному вкусу. Позднее они стали стремиться придать этому предмету характер науки, превратить его в подлинную «науку об искусстве» [5;403].

Были примеры удачного сочетания обеих указанных традиций, музейной и университетской, например Венская школа. Австрия – один из мозговых центров изучения искусства, где подобный союз университетской кафедры и музейного учреждения оказался вполне продуктивным. Одним из представителей этой школы являлся Алоиз Ригль, заведующий отдела Музея декоративного искусства и профессор университетской кафедры истории искусства. В своих исследованиях ему удавалось основываться на скрупулезном научном анализе произведений, хранителем которых он являлся [5;121-123].

Музейно-университетская практика императорской России также являла примеры взаимной терпимости и даже некоторого обоюдно-обусловленного взаимозависимого влияния. В отечественной традиции отсутствовало непосредственно само основание для таких противоречий. Преподавательский состав университетов не только не противодействовал, а часто являлся основой для институционализации музеев как научно-исследовательских и просветительских учреждений.

Яркой страницей такого симбиоза является кафедра теории и истории искусства Императорского Новороссийского университета при которой был основан Музей изящных

искусств. Открытие Музея стало возможным после принятия нового общего университетского устава 1863 г. В параграфе § 121 предполагалось основание музея изящных искусств как учебно-вспомогательного учреждения на историко-филологических факультетах при отделениях классической филологии. Параллельно с предметами – греческая и римская словесности (язык и история литературы), древняя история, русская история и история древней философии в главный цикл обучения была включена также теория и история искусств.

Для ученых Императорского Новороссийского университета, основанного в 1865 году по высочайшему разрешению государя императора Александра II, самой важной задачей являлось общенаучное изучение «сокровищ древне-греческой цивилизации на северной окраине Понта». Территория современной южной Украины всегда давала и дает богатый археологический материал. Самые ранние слои античных городов Северо-Западного Причерноморья – Ольвия, Никония, Тира, Борисфен – датируются концом VII – первой четвертью V вв. до н.э.

Начало систематического археологического исследования древнегреческих городов Северного Причерноморья было положено в 1820-е годы адъютантом дюка Ришелье полковником Иваном Алексеевичем Стемповским (1789-1832). На рассмотрение генерал-губернатора Новороссийского края М.С.Воронцова (1782-1856) им была подана «Дельная записка о пользе учреждения в Новороссийском крае музеев для хранения различных древностей, в нем часто попадающихся». В 1825 году последовало Высочайшее распоряжение «о производстве работ для отыскания древностей в Новороссийском крае и об учреждении для хранения редкостей музеев в Одессе и Керчи».

Открытие Городского музея древностей в Одессе состоялось 9 августа 1825 г. Просуществовав самостоятельно как музей для «собрания древностей, отысканных в Херсонской губернии, в Бессарабии и на о. Тендре» в 1858 г. Городской музей вошел в состав музея Одесского общества истории и древностей (далее – ООИД), специализировавшегося на «всестороннем изучении истории и археологии вообще, а преимущественно Южной России, т.е. Новороссийского края, Бессарабии, Крыма и Восточного берега Черного моря» в 1839 г. [6;548].

Северное Причерноморье, как один из регионов древнегреческой цивилизации, насыщенный археологическими памятниками, со временем занял достойное место в мировой истории и культуре. Все древности, согласно Высочайшему указу (1847), найденные на месте Херсонеса, Пантикапея, Ольвии, Тире и т.д. и не поступившие в Санкт-Петербургские хранилища Эрмитажа, передавались в музеи ООИД. До 1917 г. коллекция Музея ООИД считалась второй после Эрмитажа [7;43].

С основанием ИНУ, этого «вместилища высшей науки, авторитетного органа современного знания, представителя умственных успехов, достигнутых человечеством в его совокупности...» [8;335] изучение древностей переходило на более высокий системный уровень. Подготовка кафедральных курсов теории и истории искусств, их чтение для студентов университета, а так же функционирование Музея изящных искусств при кафедре, вместе с читальным залом становилась едва ли не самой важной частью формирования непрерывного наукоемкого процесса изучения древностей.

Таким образом, в силу целого ряда объективных причин: богатая классическими древностями история края, десятилетиями существующая традиция археологического изучения региона с богатыми находками, в том числе и предметов искусства, основание университета, подготовка специалистов по изучению местного материала, по преимуществу классического, с одной стороны, а так же общеевропейский процесс формирования науки истории искусства, осмысления и формирования теоретической базы, тесно связанной с определением места ее в кругу близких и родственных наук, в частности и прежде всего с археологией с другой стороны – т.е., слияние всех возможных «предварительных необходимостей», университетский музей уже на самой ранней стадии проявил себя как

настоящий центр собирания, систематизации и изучения предметов искусства на высоком научном уровне.

Первым организатором, заведующим и хранителем Музея изящных искусств при Императорском Новороссийском университете был назначен ординарный профессор кафедры греческой словесности, статский советник Федор Аристович Струве*. С 1 июня по 1 октября 1868 г. с разрешения Совета ИНУ им было предпринято путешествие в Афины, Рим, Париж и Германию с целью налаживания отношений с европейскими археологами для совместного изучения северной окраины Понта Эвксинского. В дополнение к этой главной цели – заказы разных предметов для университетского Музея Древностей и изящных искусств [3;465].

Первым комплексом музейных экспонатов являлись отливки статуй, которые служили наглядным материалом при изучении истории греческого искусства. Летом 1867 г. пришел первый транспорт статуй. Повторным был заказ гипсовых отливок у г. Антония Ванни во Франкфурте на Майне в 1868-1869 гг. Среди них, к примеру, формы Эгинских статуй, сделанные для реставрации этой группы по заказу Баварского короля Людовика I знаменитым датским скульптором Торвальдсеном в Риме. Университетский музей получил из этой группы только одного воина (Теламона). Предполагалось дополнить эту коллекцию из Британского музея, Лувра, Берлина, где при публичных собраниях находились особенные мастерские по отливке древних памятников [3;502]. В 1869-1970 «кабинет изящных искусств пополнился довольно значительным количеством гипсовых отливок парфенонских статуй и барельефов. Все статуи и барельефы окончательно расставлены на постаментах, другие на консолях, приделанных к стенам» [9;48].

Этапы, источники и формы процесса пополнения музейной коллекции – вопрос, требующий самого тщательного изучения всех возможных источников. Это одна из самых важных составляющих исследования. Данный обзор является начальным и потому ни коим образом не может претендовать на все-исчерпывающий контекст.

Ниже перечисленные поступления систематически отмечались в круглогодичных отчетах о деятельности ИНУ:

-1867 г.: от одесского гражданина Ф.В.Портнова поступила в дар большая картина, изображающая Полтавскую битву. Она принадлежала деду г.Портнова, Одесскому городскому голове, а раньше, по преданию графу Румянцеву Задунайскому, с которым она будто бы была в походах.

-1867 г.: знаменитый живописец Айвазовский написал собственно для Музея картину «Пушкин на берегу моря».

-1869 г.: г. Маркузен подарил 5 картин старых школ, приобретенных в Италии и в Германии.

-1872 г.: директор херсонской гимназии, статский советник С.И.Белый, преподнес в дар кофейный сервиз с изображениями частей здания бывшего Ришельевского лицея. При основании лицея в 1817 г. дюк де Ришелье в память этого знаменательного события заказал во Франции фарфоровые сервизы с планом Одессы и с изображением частей лицейского здания. Один из них от лица, приближенного к дюку, перешел в семейство родных жены господина Белого. «Владея этим сервизом несколько лет, я неоднократно думал, что было бы соответственно его назначению сохранить этот сервиз, получивший некоторое историческое значение в ришельевском лицее, преобразованном в университет, после почти полувекового служения науке и Новороссийскому краю, для которого лицей приготовил многих полезных деятелей на разных поприщах государственной службы» [10;206-207].

-1872-1873: от врача университета Иванова античный мраморный барельеф, изображающий волчицу, кормящую Ромула и Рема;

от Ф.Г.Кальбица три египетских статуэтки из гробниц, 2 деревянные и 1 фаянсовая, деревянный фрагмент с расписного картона с египетского саркофага;

от Л.А.Шостака – изразец с надписью, добытый им в Самарканде из мечети Шахзанде;

приобретено на средства ИНУ: серия слепков с работ из слоновой кости Арундэльского общества в Лондоне в числе 168;

3 коллекции фотографий с древностей Британского музея, фресок Джотто и брeвиария кардинала Гримани;

серия фотографий с кипрских древностей в числе 36 снимков;

изданий иллюстрированных и книг в числе 59;

передано из других хранилищ музея 73 гравюры и 5 рисунков; 10 литографий 1812 г.

-1874-1875: от директора Керченского музея А.Е.Люценко живописная амфора с изображением грифона, бьющегося с амазонкой и двумя палестрическими фигурами; 11 экземпляров стеклянных сосудов и слезниц; 5 глиняных сосудов малого размера; 5 поливных с пальметтою лекифов и 1 чашечка; статуэтка Астарты; 7 масок гипсовых театральных и медузы; бронзовое зеркало; ножик; монисто и др. мелкие предметы.

-1879: от проф. Н.П.Кондакова древне-христианские патера из Керченских катакомб; греческие терракотовые статуэтки.

-1881: по духовному завещанию надворного советника Ивана Александровича Сампсонова университету передано 61 картину.

На 1890-й год в музее были представлены картины Айвазовского, Шишкина, бар. Клодта, Дубовского, акварели Вилье де Лиль Адана, Красовского.

-1901: от капитана парохода «Нахимов» Венгржиновского поступило 2 амфоры древнего типа, выловленные со дна моря возле острова Хиоса.

-1902: музей пополнился 3 копиями картин французской школы Мейсонье, Гильома и Диаса.

-1903: приобрел изданий с эстампами, сочинений с рисунками и атласами 84 экземпляра; фотографий и др. снимков, хромофотографий, литографий и гравюр – 5; оригинальных скульптур (терракот) и пр. – 14.

В исторической записке, составленной проф. А.И.Маркевичем на 25-летие ИНУ, отмечалось, что «музей был открыт для посетителей и профессор Струве охотно давал объяснения. В мое время публики бывало довольно много. После проф. Струве долго заведывал музеем проф. Кондаков, который приобрел для него много и весьма ценных сочинений по истории искусств, а так же и различные вещи, например коллекции терракот и пр.» [11;612].

После перевода Ф.А.Струве в Санкт-Петербург в 1870 г. заведующим кафедры стал молодой ученый Никодим Павлович Кондаков** (1844-1925). Последующих восемнадцать лет пребывания Кондакова на должности преподавателя кафедры и заведующего Музеем позволили пополнить коллекцию музея и приобрести статус важного учебно-вспомогательного учреждения. Параллельно с этим Никодим Павлович Кондаков проводил ряд специальных научных исследований по византологии и истории древнерусского искусства.

По представлению историко-филологического факультета доцент Кондаков Н.П. с 1 января 1875 г. командирован с ученой целью за границу на полтора года для подготовки к написанию диссертации на получение профессорского звания. Научно-исследовательская поездка сопровождалась соответствующей инструкцией, главное содержание которой заключалось в следующем. Во-первых, «рекомендуется по преимуществу с практическими, демонстративными лекциями по истории искусства в кабинетах и музеях, что, разумеется, должно потребовать самого ограниченного времени». Во-вторых, «так как в России очень мало памятников классического искусства даже в музеях, то непосредственное знакомство с ними, изучение их на месте или в музеях должно для доцента Кондакова составлять главное занятие во время его ученой командировки. Только непосредственное знакомство с памятниками древнего искусства, развитие к ним вкуса при помощи большой наглядки может дать возможность молодому ученому живо передать слушателям свои сведения. А потому было бы желательно, чтобы г. Кондаков как можно более время посвятил на изучение памятников Италии, особенно в Риме, Неаполе, Помпее, Флоренции,

и если позволят средства и время, в Афинах и Константинополе». Пунктами третьим и четвертым высказывались пожелания об особенном «внимании на терракотах, имеющих связь с памятниками восточного искусства, а с другой стороны с этрусским искусством и керченскими древностями», а также на памятниках христианского искусства, особенно византийского. Рекомендовалось также принимать участие в археологических экспедициях под руководством римских археологов [12;71-72].

По прошествии обозначенного времени доцентом Кондаковым было предоставлено фундаментальное исследование «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». За это исследование Н.П.Кондакову в 1877 г. присуждена докторская степень в Московском университете, а Русское археологическое общество отметило ее золотой медалью. Переведена на французский язык и опубликована в известном издании «Международная библиотека искусств».

Деятельность Музея как учебно-вспомогательной единицы университета также в этот период представляется весьма успешной. Основные задачи и цели развития кафедрального курса преподавания были представлены Н.П.Кондаковым во время вступительной лекции, где отмечалось, что «наука истории и теории искусства пластического или образовательного представляет в университетском преподавании в России предмет новый, только в последнее время входящий в круг других исторических наук. Между тем из многочисленных аналогических примеров при первом взгляде становится ясно, что общее признание прав науки на существование тесно связано с участием в высшем образовании. Многочисленные уже труды наших археологов и специальные ученые журналы и издания обществ возвращаются пока почти исключительно в кругу кабинетных ученых, ясно свидетельствуя о том, что только непосредственное преподавание предмета может создать более или менее обширный круг читателей, составит науке репутацию насущно необходимой для образованного человека, каковую теперь и признается наука истории искусства на западе». Для устранения фактов ложных, псевдонаучных «необходимы издания элементарных пособий по истории и теории искусства и устройства музеев, носящих общеисторический характер, где отчасти по оригиналам, а, главным образом, по снимкам предлагается связный подбор памятников искусства древнего и нового». «Новый взгляд на искусство, как на непрерывное полное и своеобразное выражение жизни каждого народа, в духовной и физической его природе, стремится установить новую высокую постановку предмета, предложить более обширные задачи для разрешения» [2;51,57,70].

«Для усиления практических работ и упражнений студентов на историко-филологическом факультете орд. проф. Кондаков устроил при МИИ студенческое отделение с библиотекой пособий по предмету истории искусств для дневных и вечерних занятий под его непосредственным руководством» [13; 6]. Свидетельством усиленной подготовки студентов в сфере проведения специальных исследований является факт присуждения двум воспитанникам Н.П.Кондакова, студентам историко-филологического факультета кафедры теории и истории искусства, Е.К.Редину и Д.В.Айналову, золотой медали за работу по живописи Киевского Софиевского собора. Это монографическое исследование двух молодых ученых вышло отдельным изданием в Санкт-Петербурге в 1889 г.

Павловский Алексей Андреевич***(1856-1913), занявший в 1891 г. должность исполняющего обязанности профессора кафедры и заведующего Музеем после перевода Н.П.Кондакова в 1888 г. Петербургский университет, продолжал усиленно развивать именно учебное направление. Так, им были подготовлены и изданы в Одессе специальные учебно-вспомогательные наглядные пособия по истории древнего искусства – «Курс истории древнего искусства» и «Атлас по истории древнего искусства» в 1905 и 1907 годах. А так же под его редакцией осуществлен перевод монографии А.Розенберга «История искусств всех времен и всех народов», 1907 г.

В последние предреволюционные годы, после смерти А.А. Павловского, кафедра оставалась вакантной. Учебный процесс не прерывался, но никаких специальных исследований не проводилось. Коллекция музея пополнялась только за счет приобретения

печатных изданий с эстампами, сочинений с рисунками и атласами, т.е. в большей степени библиотечное отделение кафедры.

Итак, несмотря на то, что Музей изящных искусств Императорского Новороссийского университета был основан преимущественно как учебно-вспомогательное учреждение, призванное служить художественному образованию и нравственно-эстетическому воспитанию студентов на лучших образцах мирового искусства, все же знакомство с его историей в широком музееведческом представлении дает основание для более значимых выводов. Во-первых, именно он был одним из первых музеев художественного профиля на юге империи. Во-вторых, коллекция носила преимущественно характер классической древности, что в одинаковой мере связано как со спецификой региона, так и с общеевропейскими тенденциями. В-третьих, по причине малочисленности преподавательского штата так и не удалось создать в Новороссийском университете школу по изучению истории искусства. В-четвертых, музейная коллекция только в самом начале носила характер публичности, постепенно развиваясь в направлении научно-образовательного учреждения. И в-пятых, музей и кафедра, существуя в тесной взаимосвязи друг с другом, своей высокой степенью самоорганизации способствовали фундаментальным исследованиям, активному формированию дисциплинарного образа науки истории искусства, являлись важным связывающим звеном в сложном триумvirате общество-наука-искусство.

***Струве Федор Аристович** – специалист по римской и греческой истории и словесности. Родился в городе Фленсбурге (Дания). Закончил Дерптский университет со степенью кандидата философских наук. В 1843 г. в Санкт-Петербурге защитил магистерскую, а в 1846 – диссертацию на степень доктора философии и классической филологии. С 1845 г. преподает на кафедре римских древностей и словесности. В 1865 г. получает назначение в ИИУ на кафедру греческой словесности. С 1871 по 1877 годы заведует гимназией при Санкт-Петербургском историко-филологическом институте. Вышел в отставку в 1877 г. Живет в Риге. В последние годы жизни был избран членом Совета при министре народного образования. Член Московского археологического общества (1869), почетный член ООИД.

****Кондаков Никодим Павлович** – доктор теории и истории искусств, заслуженный профессор, академик. Родился в Курской губернии. Отец – бывший крепостной Трубецких. В 1861 г. поступает в Московский университет, по окончании которого, с 1865 по 1870-е годы преподает, в частности в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. В 1871 году получает назначение на должность заведующего кафедрой теории и истории искусств при ИИУ. В 1873 г. защищает в Московском университете магистерскую диссертацию, а в 1877 г. получает докторскую степень. По присуждению Совета ИИУ в 1877 – экстраординарный и вскоре ординарный профессор. С января 1888 г. переведен в Петербургский университет. Одновременно преподает на Высших женских курсах и служит старшим хранителем Эрмитажа. В 1890-е годы активно сотрудничает с Императорской Археологической комиссией. Один из признанных лидеров российских археологов и историков искусств. События 1917 г. встречает в Крыму. С 1918 по 1920 годы вновь живет в Одессе. После отъезда и кратковременного пребывания в Константинополе и Варне получает приглашение в Прагу. До самой смерти читает курс средневекового искусства в Карловом университете.

*****Павловский Алексей Андреевич** – историк, искусствовед. В 1880 г. закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1881 г. преподает общую, древнюю и русскую историю в Санкт-Петербургском центральном училище технического рисования барона Штиглица. В 1877 г., после сдачи магистерского экзамена, читает лекции на кафедре теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1890 г. защищает магистерскую диссертацию в Киевском университете Святого Владимира, а в 1891 г. получает назначение на должность исполняющего обязанности экстраординарного

профессора ИНУ. 1896г. – защита докторской диссертации. С 1897 г. - ординарный профессор кафедры теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета ИНУ. С 1909 по 1912 год - декан исторического факультета ИНУ. Параллельно преподавал на Одесских Высших женских курсах. Участник X Международного конгресса истории искусств (1912).

Список использованной литературы.

1. Основы советского музееведения. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной работы, 1955. – 375 с.
2. Кондаков Н. Наука классической археологии и теория искусства // Записки Императорского Новороссийского университета (далее – Записки ИНУ). – Одесса, 1872. – Т.8. – С.51-90.
3. Путевые заметки. Отчет орд. проф. Ф.Струве о командировке его в Афины, Рим, Париж и Германию, с 1 июня по 1 октября 1868 г. // Записки ИНУ. – Одесса, 1869. – Т.3. – Вып.2-6. – С.465-516.
4. Павловский А.А. Значения и успехи классической археологии // Записки ИНУ. – Одесса, 1892. – Т.57. – С.1-22.
5. Базен Ж. История истории искусства: от Вазари до наших дней. – М: «Прогресс-Культура», 1994. – 528с.
6. Попруженко М.Г. Императорское Одесское общество истории и древностей (По поводу 75-летия его существования) // Исторический вестник. – 1914. – №11. – С. 544-555.
7. Юргевич В.Н. Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // Записки ООИД. – Одесса, 1886. – Т.14. – Отд.1. – С. 27-52.
8. Модестов В.И. Русская наука в последние 25 лет // Записки ИНУ. – Одесса, 1890. – Т.54. – С.335-361.
9. Краткий отчет Императорского Новороссийского университета в 1869-1870 академическом году // Записки ИНУ. – Одесса, 1870. – Т.5. – Раздел III. Университетская летопись. – С.23-50.
10. Протоколы заседания Совета ИНУ // Записки ИНУ. – Одесса, 1872. – Т.8. – Раздел I. – С.206-207.
11. 25-летие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка проф. А.И.Маркевича и академические списки. Музей изящных искусств. – Одесса, 1890. – С.611-613.
12. Протоколы заседания Совета ИНУ// Записки ИНУ. – Одесса, 1875. – Т.17. – С.1-87.
13. Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского Университета в 1877-1878 академическом году. – Одесса, 1879. – 31с.